

Письма князя Дмитрія Александровича Хилкова.¹⁾

XIV.

2 Мая 1914 г.

Дорогой Я. И., получилъ Ваше письмо и завидую Вамъ, что Вы пасете скотъ. Это лучше всякой книги или „умныхъ“ разговоровъ, т. к. даетъ возможность сосредоточиться и непосредственно и на свой манеръ воспринимать истину. „Кокосъ“ и автомобиль—оба ведутъ къ уничтоженію животныхъ, и мнѣ думается, что это очень жаль. Я бы не поѣхалъ подь тропинки именно изъ-за этого. Мнѣ всегда было непонятно: какъ это вегетаріанцы такъ мало интересуются *живыми* животными. Не разводятъ животныхъ, не воспитываютъ ихъ. Конечно, неприятность въ томъ, что ихъ приходится продавать, но почему же не уйти на Алтай или въ Монголію, гдѣ можно и не продавать. А то бываютъ и такіе вегетаріанцы, которые отымаютъ телятъ отъ матерей. Вообще всякій чело-вѣкъ „сотканъ изъ противорѣчій“. Недавно напечатана книга, „Провозвѣстіе Рамакришны“ (ц. 1 р. 50 к. книгоизд. „Новый Человѣкъ“. С. Петерб. Эртелевъ переул. № 6). Книга очень интересная. Мнѣ очень понравилась (началъ читать). Эту книгу надо читать въ уединеніи, ради спокойнаго обдумыванія. Подь словомъ „обдумываніе“—въ данномъ случаѣ—т. е. по данному предмету, я подразумеваю пассивность и отсутствіе своихъ собственныхъ мыслей, дабы дать возможность Истинѣ явиться и озарить сознаніе. Читая Ваши письма мнѣ кажется, что и Вы такъ смотрите на дѣло.

¹⁾ См. „Б. В.“, 1915. Июнь.

Въ терминологіи Павла это можно выразить такъ: обуздать духъ человѣческой, дабы дать возможность проявиться Духу Божію. Это проявленіе и будетъ то, что Церковь называетъ Откровеніемъ, тайнствами и Благодатью.

Моя критика сборника „Всемирное Единеніе“ не можетъ быть интересной составителямъ. Пользы имъ принести тоже не можетъ, т. к. они стоятъ на другой точкѣ зрѣнія. Ссориться же я съ ними не хочу. Да и ни съ кѣмъ не хочу ссориться. Для меня цѣль и смыслъ сборника не понятны. Но вѣдь для нихъ этотъ смыслъ очень даже понятенъ.

Въ сборникъ есть про философію негровъ, и составители, вѣроятно, „привѣтствуютъ“ эту философію. Иначе не упомянули бы о ней. А между тѣмъ эта „философія“ очень даже распространена. Одинъ „пропагандистъ“ мнѣ рассказывалъ, что съ большой для себя опасностью собралъ мужиковъ и держалъ рѣчь. Потомъ нѣсколько „передовыхъ и сознательныхъ“ парней проводили его до ближайшей станціи. При прощаніи они сказали пропагандисту: „нельзя ли съ вашей милости на чайкъ“? Это вѣдь и есть по сути именно то, что по смыслу проповѣдуется сборникомъ „Всемирнаго Единенія“ подъ именемъ философіи негровъ.

Но зачѣтъ же такъ далеко ходить за такой „философіей“? Въ сборникахъ, подобныхъ „Всемир. Един.“—я вижу центральную идею въ обожествленіи себѣ довлѣющаго человѣка. И я думаю, что эта идея быстро завоевываетъ умы людей. Я предрекаю ей скорый и быстрый видимый успѣхъ и внѣшнюю, видимую побѣду надъ идеей Богочеловѣчества, какъ эта идея проповѣдуется католичествомъ ¹⁾ и православіемъ. Противъ этой идеи Богочеловѣчества—(церковной) объединяются и скоро объединятся *три* большія силы: еврейство, ждущее мессію—человѣкобога, хлыстовство (во всѣхъ своихъ проявленіяхъ), проповѣдующее человѣкобожество, и гуманизмъ, основной принципъ котораго—человѣкобожество, себѣ довлѣющій *человѣкъ*.

И если подумать о томъ, какъ прекрасна на внѣшній утилитарно-нравственный взглядъ идея человѣкобожества, по

¹⁾ Въ католичествомъ эта идея повреждена „многочастно и многообразно“. а утвержденъ и развивается уклонъ къ человѣкобожеству: достаточно указать на папизмъ и напомнить о католической мистикѣ, пекавшей вселенскую идею „обоженія“ человѣка. М. Н.

своимъ плодамъ и слѣдствіямъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что люди ею увлекаются.

Христось принесъ мечъ и раздѣленіе.

Человѣкобогъ принесетъ миръ и единеніе.

Еврейство ведетъ *свою* линію.

Но хлысты, несомнѣнно, приготавливаютъ сознание христіанъ къ принятію еврейскаго мессіи.

Соціализмъ работаетъ въ этомъ же направленіи.

Подумайте объ этомъ, и Вы увидите, что „тенденціи“ людскія именно указываютъ на это направленіе. Религія останется, какъ связь отдѣльнаго человѣка съ *идеей* человѣка и человѣчества. Богъ же упразднится за „ненадобностью“.

Я вижу полную возможность единенія истинной религіи съ знаніемъ (наукой). Даже вижу необходимость этого. У нихъ свои методы и свои области. Методъ науки—историческій. Низшимъ объясняется высшее. Методъ религіи обратный—высшимъ объясняется низшее. И я вижу полную возможность совмѣстной работы.

Исторически (научно) совершенно вѣрно, что яйцо раньше курицы. Но метафизически—при исканіи „смысла“ жизни это не такъ. Ибо мы яйцо называемъ яйцомъ *только потому*, что знаемъ, что изъ него вылупится цыпленокъ-курица. Поэтому метафизически курица раньше (предшествуетъ) яйца.

Голый фактъ, это—одно. Осмысленіе же этого факта—совершенно другое. Историческій—научный—методъ дать этого не можетъ по существу, по своей природѣ. И наука, правильно понимаемая и правильно разрабатываемая, несомнѣнно ведетъ къ тому, что Церковь признаетъ подъ именемъ естественной религіи.

И данныя этой естественной религіи не могутъ противорѣчить религіи Откровенной.

И если мы видимъ „споры“ на этотъ счетъ, то всѣ они могутъ быть прослѣжены къ человѣческой личной отсебятинѣ, т. е. къ желанію утвердить *себя* до степени исключенія всего остального. Вотъ это утвержденіе „себя“, во что бы то ни стало, и кажется мнѣ *главнымъ* препятствіемъ къ познанію Истины и истинной свободы.

Ибо, гдѣ „своеволіе“, тамъ по существу не можетъ быть свободы. И вредъ человѣкобожества именно въ принципиальной подмѣнѣ свободы—своеволіемъ. Этого изъ „книгъ“

узнать нельзя, но если сидѣть и пасти коровъ и „успокоиться“, то это можетъ стать совершенно ясной, простой и очевидной истиной. И вотъ, я Вамъ и завидую, что Вы пасете коровъ, ибо Вы въ такихъ условіяхъ, значить, при которыхъ то, что для меня скрыто, для Васъ можетъ стать открытымъ.

Вы спрашиваете меня, что я думаю о теософіи?

Я думаю, что въ теософіи, какъ и во всѣхъ прочихъ мудрствованіяхъ, сектахъ и толкахъ, доля истины есть. Общество же теософическое, по-моему, вредно,—ибо *отвлекаетъ* и развлекаетъ человѣка, и привлекаетъ къ человѣку вниманіе другихъ.

Можно ли быть спокойнымъ и въ своей „тарелкѣ“. если нападутъ на васъ комары?

Вотъ разныя „общества“ и вступленіе въ нихъ мнѣ кажутся подобіемъ того, какъ если-бы человѣкъ, желая сосредоточиться и „обдумать“ и „найти себя“, пошелъ бы въ болото, гдѣ на него напали бы миллиарды комаровъ.

Поэтому я думаю такъ: пусть сидитъ человѣкъ тамъ, куда его посадилъ Господь. Сидя на этомъ мѣстѣ, пусть безъ шуму и треска—все испытываетъ и держится хорошаго.

Что же касается до Всев. Соловьева, то онъ мнѣ противенъ. Онъ все хотѣлъ научиться у Блаватской „чудесамъ“. Когда она ему отказала, онъ написалъ „разоблаченіе“ не правдивое (смотри объ этомъ брошюру Желиховской). Но, что противнѣе всего, это то, что, не вѣря въ „чудеса“ теософовъ и „разоблачая“ ихъ, онъ на теософическихъ романахъ наживалъ деньги.

Кажется, теперь печатается книга Лодыженскаго, которая трактуеть объ этомъ предметѣ.

Что же касается до теософ. чудесъ или проявленія силъ,—то значенія этому не придаю.

Я знаю и видѣлъ, что эти „чудеса“ проявляются вездѣ и всегда, гдѣ „сердце чисто“.

Поэтому, путь истинный, это—очищать сердце. Путь ложный—добиваться способности проявлять силы. Такой путь—еще и опасный, т. к. не долго угодить въ область „лукаваго“. Я знаю, что эта область есть, и въ ней творятся „чудеса“ силой лукаваго. Тутъ тоже утвержденіе своего „я“ (отсебятина).

И я, чѣмъ больше живу на свѣтѣ, вижу, что всѣ „вопросы“ какъ-то сводятся къ вопросу: самоутвержденіе или самоотреченіе? Какъ будто именно два пути. Два направленія.

Напримѣръ, вопросъ объ единеніи. Вѣдь прекрасное это дѣло. Но можно единяться съ тѣмъ, что „близко“ (люди, коровы, собаки, деревья), или же „искать“ по всему міру, съ кѣмъ бы соединиться. Первый путь—путь незамѣтный. Второй путь—путь саморекламы. И это не то, что дурно, а просто „вредно“ для человѣка. Это путь воображенія и миража. Такъ, напримѣръ, милыя институтки очень любятъ „мужика“ — отвлеченнаго и далекаго. Если же встрѣтятъ „живого“, то не знаютъ, что ему сказать. Онѣ еще забываютъ, что ихъ лакей, кучеръ, поваръ—тоже мужики. Но они „мечтаютъ“ о какомъ-то „дальнемъ“ мужикѣ, съ которымъ хотятъ „общаться“ и единяться.

И я думаю, что мы всѣ—бѣдные, слѣпые люди—страдаемъ больше всего отъ этого „институтскаго“ свойства, только, конечно, въ другихъ или иныхъ его проявленіяхъ.

Человѣкъ идетъ бесѣдовать съ человѣкомъ о „божественномъ“. Встрѣчается блудящая собака, которая къ нему ластится. Человѣку хотѣлось бы накормить ее и отвести къ себѣ домой. Но нельзя, ибо назначена бесѣда о „божественномъ“, и онъ боится опоздать. Ему жалко, но онъ оставляетъ собаку и спѣшитъ къ человѣку. Приходитъ: оказывается, человѣка нѣтъ дома. Долженъ былъ экстренно выѣхать по дѣлу. И вотъ, остался человѣкъ одинъ. И безъ человѣка, и безъ собаки. Это можетъ служить подобіемъ того, что сплошь и рядомъ случается.

Вѣра есть даръ Божій черезъ благодать.

И этой благодатью надѣлены всѣ люди („свѣтъ, который“ и т. д.).

При самоотреченіи этотъ свѣтъ, вѣра, благодать, откровенія (это все *одно* и то же по существу, ибо сводится къ проявленію Истиннаго Бытія въ условіяхъ времени и пространства) дѣлаются сильнѣе,—ярче. Эта вѣра не упраздняетъ „знанія“. Напротивъ того, само знаніе „возможно“ только при такой вѣрѣ. Совершенно подобно тому, какъ изученіе теоріи музыки и контрапункта можетъ быть плодотворно и *осмысленно* только при „музыкальномъ ухѣ“, при „музыкальности“.

Есть два сорта музыкальныхъ произведёній: одни могутъ быть написаны безъ знанія контрапункта; другія—при контрапунктѣ, безъ музыкальныхъ способностей. Оглухшій Бетховенъ при знаніи теоріи могъ писать сонаты. Если-бы онъ родился глухимъ, теорія не помогла бы ему. Если-бы онъ не зналъ теоріи, то, оглухнувъ, не могъ бы продолжать писать сонаты. Примѣръ Бетховена помогаетъ намъ уяснить себѣ отношеніе между религіознымъ чувствомъ (вѣрой) и знаніемъ.

Вопросъ о судьбѣ нехристіанъ и нецерковниковъ очень озабочивалъ всегда Церковь. По моему, это—*тайна*. Но Оригенъ нашелъ „разумное“ объясненіе (которое есть, конечно, только гипотеза).

Онъ призналъ предсуществованіе душъ. По этой теоріи, значить, человѣкъ столько разъ будетъ возвращаться на землю, пока, наконецъ, не станетъ частью Богочеловѣческаго Организма—Церкви. Это постоянное возвращеніе называется „приходить на судъ“. Вступившій въ Организмъ „на судъ“ уже не приходитъ и пребываетъ вѣчно“. Разныя теоріи и вѣроученія проповѣдуютъ различныя „единенія“ людей.

Возьмемъ подобіемъ людей атомы желѣза.

1) Положимъ въ коробочку—это социализмъ. Механическое единеніе безъ измѣненія.

2) Подвергнемъ атомы желѣза дѣйствию огня и воды.—Получимъ одинъ кусокъ стали. Это—церковь въ протестантскомъ смыслѣ слова. Слитная организація съ измѣненіемъ вещества, но безъ надѣленія жизнью другого порядка.

3) Представимъ себѣ, что атомы желѣза втянуты въ организмъ—яблоню. Въ ней они оживутъ и будутъ *жить* не своею (своего сорта) жизнью, а жизнью—яблони. Атомы—люди. Яблоня—Христосъ. Въ данномъ случаѣ—Богочеловѣческой Организмъ, Церковь,—Источникъ, Начатокъ и Глава которой Христосъ.

Слова Павла: „я живъ, но уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“—какъ разъ и относится къ такому случаю, ибо атомъ желѣза можетъ сказать: я ожилъ къ жизни новаго порядка; я живъ и живу этой жизнью, но не я живу, а живетъ во мнѣ яблоня.

При такой концепціи, слова Христа: „Я *жизнь*“—буквально и точно правильны, совершенно аналогично тому, какъ яблоня

ня можетъ сказать атомамъ желѣза: „я ваша жизнь, ибо вы живы во мнѣ, черезъ меня и мою жизнью“. Это самое и говорилъ Христосъ.

Значить, члены Церкви Христовой, по Его концепціи, суть какъ бы живыя клѣточки Его Тѣла, и всѣ вмѣстѣ, въ совокупности и съ Главою своею — Христомъ, составляютъ одинъ Богочеловѣческій Организмъ. При такой концепціи, дѣло Христа и нынѣ продолжается.

Теперь обратите вниманіе на интересный фактъ. Изъ всѣхъ сектъ наиболѣе враждебна православію, въ принципѣ, хлыстовская. Хлысты ищутъ и находятъ живого, осязаемаго, слышимаго и виимаго Христа. Церковникъ видитъ такого Христа въ Церкви Христовой, хлысть—въ отдѣльномъ человѣкобогѣ.

Но какъ же быть хлысту съ Церковью? Вѣдь, онъ чувствуетъ, что это долженъ быть организмъ, и что связь членовъ должна быть живая, органическая, а не механическая—организаціонная? И вотъ, это и принудило хлыстовъ проповѣдывать общность мужей и женъ. И, конечно, другого выхода нѣтъ.

Если же Церковь—организация (божественная), то единственно правильный отвѣтъ шекерскій, т. е. полное цѣломудріе.

И вотъ, мы видимъ, что люди, дѣйствительно, „колеблются“ между этими „типами христіанства“, т. е. пониманія христіанства.

Тутъ долженъ повторить, что все вышенаписанное не „доказательство“, а лишь „соображенія“. Вообще, я думаю, что въ этой области не можетъ быть доказательствъ, а есть предшествующее знаніе (непосредственное), основанное на „вѣрѣ“. Мнѣ кажется, что таково именно отношеніе Благовѣствованія къ этому дѣлу.

То, что Вы пишете о томъ, что богословіе можетъ быть полезнымъ для человѣка, близкаго къ „самоубійству“.—у котораго изсякло все, чѣмъ онъ жилъ,—мнѣ очень нравится. Это одна изъ основныхъ мыслей Павла. Онъ такъ именно описывалъ свое собственное состояніе. Онъ постоянно ощущалъ свое „умираніе“ и оживленіе о Христѣ. И, конечно, какъ Вы говорите и какъ говорилъ Павелъ,—нужна вѣра. Но. вѣдь, вѣра, въ смыслѣ свѣта и благодати, у всѣхъ людей, только они ея пренебрегаютъ и въ себѣ заглупаютъ.

Положеніе Церкви печально потому, что люди воображаютъ, что священники и епископы—*представители* Церкви. Но вѣдь это ересь. Православіе такихъ представителей—образцовъ¹⁾—не знаетъ. У православія нѣтъ даже раздѣленія на Церковь „учащую“ и „научаемую“. Такое раздѣленіе—у католиковъ, и то не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это обыкновенно понимается.

Но опять скажу, что, если-бы Церковь была только *организация*, то нельзя было-бы не считаться съ Инквизиціей, Соловками, Суздалемъ и т. д. Какъ нельзя не считаться, на примѣръ, съ фактомъ присутствія шпионовъ въ комитетъ какой-нибудь политической партіи.

„Церковь освящаетъ то, что противно ученію Христа“.

Я думаю, что, если вникнуть въ дѣло и разобраться, то этого нельзя будетъ сказать.

Сперва вѣдь надо рѣшить вопросъ: „что такое Церковь“? И еще кое-что. Иначе я боюсь, какъ бы изъ факта претворенія воды въ вино, мы не вывели, что Христосъ освящаль пьянство и разгуль.

Мы, конечно, можемъ отвергнуть этотъ фактъ, но тогда, поступая аналогично, многое придется отвергнуть.

Что касается меня, то я старался серьезно и безпристрастно разобраться въ этомъ.

При этомъ я старался помнить основы ученія и цѣль этого ученія. Старался не забывать, что, вѣдь, цѣль Церкви—спасеніе „больныхъ“. Старался не забывать, что прогнать больного, объявить его неизлѣчимымъ, повергнуть въ „отчаяніе“—не трудно,—но что съ того? Посмотрите на „праведныя“ общества: не кажется ли Вамъ, что они всѣ благодарятъ Бога за то, что они не таковы, какъ прочіе люди?

А, вѣдь, если-бы Церковь не дѣлала того, что Вы опредѣляете, какъ освященіе того, что противно ученію Христа, то, вѣдь, на практикѣ и получилось бы „*праведное, лицемерное и ханжеское фарисейство*“. Вѣдь нельзя же забывать природу людей и то, что христіанство есть „вѣра“ для массъ, а не эзотерическое ученіе для кружка избранныхъ праведниковъ.

Скажите мнѣ, чего бы Вы хотѣли на практикѣ? Что бы должна была дѣлать Церковь? Тогда станетъ совершенно

1) Слово „представителя“ въ примѣненіи къ іерархіи употребляется не только въ смыслѣ „образцовъ“. М. Н.

яснымъ,—зная природу человѣка и условія земной жизни,— что получилось бы изъ этого.

Возьмите примѣръ въ большомъ объемѣ. Возьмите Англию и католическую Ирландію. Вѣдь, по части ханжества и лицемерія, англичане стали типичными. Возьмите ихъ жестокость. А рядомъ съ этимъ „законность“ осуществляется чище всего у англичанъ. Ирландцы грязны и суевѣрны, но сердца у нихъ мягче и сострадальнѣй. Правда, они и итальянцы—люди „отсталые“, не культурные, бѣдные, не оборотливые. Но развѣ Христосъ пришелъ этому научить людей? И если нашъ народъ не погибъ,—а я думаю, что онъ не погибъ,—то я это приписываю влиянію православія. А что онъ бѣденъ и не умѣлъ „обернуться“, не умѣлъ и не умѣетъ противостоять грабежу, что онъ суевѣренъ и не культуренъ,—то это тоже фактъ. И, вѣроятно, и въ этомъ повинно православіе, какъ *организация*. И вотъ изъ двухъ золъ приходится выбирать меньшее. Я выбираю русское зло и отказываюсь отъ англійскаго. Конечно, было бы прекрасно отдѣлаться отъ *всякаго* зла. Но какъ же это сдѣлать? Есть одинъ только способъ. Всѣмъ „передовымъ“ выдѣлиться и бросить на произволь судьбы всѣхъ несовершенныхъ. Но тутъ невольно вспоминаются злоключенія того праведника, котораго паукъ тянулъ изъ ада на паутинкѣ!

Толстой далъ типъ православнаго мірянина: это —Каратаевъ. Каратаевъ именно „продуктъ православія въ его дѣйствіи на русскую душу“. Что же можно сказать противъ такого человѣка?

Пока до свиданія. Очень рекомендую „Провозвѣстіе Рамакришны“... Крѣпко жму Вашу руку. Д. Хилковъ.

XV.

20 Іюня 1914 г.

Дорогой Я. И., я только что вернулся изъ Полтавской губ. и получилъ Ваше письмо отъ 23 мая.

Тѣ вопросы, которые Васъ занимаютъ, и о которыхъ Вы думаете, занимаютъ и меня. Тѣ противорѣчія, которыя Вы видите, вижу и я. Не вдаваясь въ подробности и частные случаи, скажу Вамъ, какъ эти противорѣчія разрѣшаются для меня ученіемъ Церкви. Добавлю, что я ясно и определенно вижу, что съ самаго начала существуютъ два теченія

мысли и два отношенія къ дѣлу Христа. Люди какъ бы дѣлятся на двѣ группы, и каждая группа видитъ во Христѣ разное и ожидаетъ отъ Него другого.

Одна группа ожидаетъ отъ Христа устройства земной жизни. Другая: спасенія души.

Во-вторыхъ: первая группа склонна видѣть въ собраніи христіанъ совершенную, божескую организацію, которая, устроая земную жизнь, дастъ, кромѣ того, и спасеніе души—если таковое существуетъ. Тутъ центръ тяжести, несомнѣнно, въ земномъ.

Другая группа смотритъ на земную жизнь, какъ на незначительный эпизодъ—незначительный моментъ жизни человѣка, взятой въ ея безконечной цѣлости.

Въ-третьихъ: для первой группы Христось—пророкъ и установитель царства Божія на землѣ. Его царство, это—царство мира и единенія людей на землѣ.

Для второй группы: Христось—Зерно, Начатокъ, Источникъ и Глава новаго, небывалаго, до Его пришествія, Организма, обладающаго новой, небывалой (для людей) до того жизнию другого порядка по существу. Это—главное въ христіанствѣ; все остальное—второстепенное и составляетъ естественное приложение.

Этотъ новый Организмъ названъ Тѣломъ—Церковью Христовой? Это, значить, Богочеловѣчскій Организмъ. Тутъ, значить, полная аналогія съ тѣмъ, что для вѣрующаго былъ историческій Христось.

Съ тою только разницею, что историческій Христось жилъ на землѣ въ естествѣ человѣческомъ жизнью личной, а нынѣ Христось въ тѣлѣ Своей Церкви—изъ естества человѣческаго—живетъ жизнью соборной. Соборной въ томъ смыслѣ, что отдѣльные люди, какъ „живые камни“, составляютъ часть—органическую—Его Тѣла, храма Его Тѣла.

При такомъ представленіи должна существовать полная аналогія между историческимъ Христомъ и Его Церковью. Если были благочестивые люди, въ родѣ Гамалиила, которые не видѣли Христа, то и нынѣ должны существовать благочестивые люди, которые могутъ не видѣть Христа въ Его Церкви.

Изъ разспросовъ я вижу, что нѣтъ ни одного возраженія, нынѣ дѣлаемаго противъ Церкви, которое бы, въ свое время, не дѣлалось противъ Христа.

Совершенно подобно тому, какъ не ученики „избрали Христа“, а Христосъ избралъ учениковъ, такъ точно и принадлежность къ Церкви не обуславливается хотѣніемъ или усиліями „духа человѣческаго“.

И именно въ этомъ я вижу объясненіе того факта, что люди, какъ Гамалиилъ и Савль, или оставались равнодушными по отношенію ко Христу, или гнали Его.

Судить этихъ людей я отказываюсь и говорю: не мое дѣло разбираться въ причинахъ этого. Но констатировать фактъ я имѣю полное право.

Теперь о четвертомъ. Первая группа, о которой я сказала выше, съ психологической, внутренней, духовной точки зрѣнія вполне подобна „стаду безъ пастыря“. Христосъ ушелъ на небо. Намѣстники путаютъ, и получается не жизнь, а безобразіе. Отсюда, какъ естественное слѣдствіе, постоянныя ожиданія „святого мужа“, который, наконецъ, „устроитъ жизнь людей по-Божескому“.

Но дѣло въ томъ, что такія ожиданія, по существу и въ принципѣ, противорѣчатъ самой сущности христіанства, ибо помѣщаютъ телѣгу впереди лошади. Слѣдствіе ставится цѣлью. А во-вторыхъ, земной жизни придается неправильное значеніе: внѣшнее ставится выше внутренняго.

Забывается, что цѣлью пришествія Христа было не устройство земной жизни, какъ думали *иудеи* и *иудействующіе христіане* (церковь Иерусалимская, евѣониты и др.), а спасеніе души и приобщеніе ея къ жизни другого порядка, къ жизни внѣвременной, т. е. къ *Бытію*. „Переправа“ души отъ существованія къ Бытію. Рабъ, хотя бы и благочестивый, не „пребываетъ“ вѣчно. „Сынъ“ же и „другъ“ пребываетъ вѣчно.

Для церковника—ожидать „святого мужа“ незначѣмъ, по той причинѣ, что для церковника Самъ Христосъ нынѣ живетъ на землѣ въ тѣлѣ естества человѣческаго, въ Своей Церкви.

Если же многіе благочестивые и пріятные Богу люди не видятъ Его въ Его Церкви (т. е. *во плоти*), то вѣдь и Гамалиилъ Его не видѣлъ,—не „прозрѣлъ“, что Плотникъ изъ Назарета есть Христосъ Сынъ Бога Живаго!

Я не сужу нынѣшнихъ Гамалииловъ и Савловъ, но только констатирую, что ожиданія „святого мужа, который устроитъ земную жизнь и объединитъ людей *внѣ* Церкви, т. е. внѣ Тѣла Христа“—опасно.

Представьте себѣ, что евреи дождутся того мессіи, котораго они ожидаютъ.

Этотъ мессія дастъ имъ то, чего не далъ имъ Христосъ.

Христосъ принесъ „мечъ и раздѣленіе“.

Еврейскій мессія принесетъ „миръ и единеніе“.

Христосъ отказался дать чудеса и „знаменія“ съ неба, кромѣ знаменія Іоны пророка.

Еврейскій мессія дастъ „многія чудеса и знаменія“.

Теперь я спрашиваю: что можетъ помѣшать тѣмъ „христианамъ“, которые ожидаютъ „святого мужа“, признать еврейскаго мессію за Христа и поклониться ему, какъ Христу?

Еврейскій мессія, это—человѣкобогъ. Въ немъ вознесется и возвеличится идея человѣка.

Въ немъ люди поклонятся „человѣку“, какъ Богу. Но, вѣдь, эти идеи и принципы свойственны „передовому“, гуманитарному, человѣчеству.

Безбожная „интеллигенція“ вполне можетъ принять еврейскаго мессію.

И именно это „идейное“ сродство гуманитарнаго рационализма съ еврействомъ и составляетъ тотъ фундаментъ, на которомъ единяются евреи съ „просвѣщенными европейцами“.

Третья сила, враждебная Церкви, это — „хлыстовство“. Хлысты также „ждутъ“ и ищутъ святого, осѣненного премудростію Божіей, человѣка, котораго и именуютъ христомъ. И понятное дѣло, что только предсказанный еврейскій мессія сможетъ ихъ вполне удовлетворить.

Изъ вышесказаннаго—Вамъ должно быть ясно, какъ мнѣ рисуется по существу то, что нынѣ происходитъ въ мірѣ.

Происходитъ уготовленіе къ встрѣчѣ еврейскаго мессіи.

При этомъ дѣйствуютъ въ полномъ идейномъ единеніи три силы: еврейство, гуманисты и хлысты.

И эти три силы должны быть враждебны Христу, нынѣ живущему на землѣ жизнью соборной, въ Тѣлѣ естества человѣческаго, т. е. Церкви. И эти три силы, несомнѣнно, *по видности* одержатъ побѣду надъ Церковью.

Будутъ Ее судить и распнуть. И на „третій день“ Она воскреснетъ.

И вовсе не требуется, чтобы эти борющіеся противъ Церкви были „отвратительны“.

Напротивъ того, многіе изъ нихъ будутъ думать, что этимъ они служатъ Богу.

Изъ школы будутъ изъяты „распятія“ и законъ Божій. И люди, которые это сдѣлаютъ, будутъ исполнѣ „благочестивыми“ и „нравственными“ людьми. Но суть ихъ воззрѣній будетъ диаметрально противоположна воззрѣніямъ церковниковъ.

Эти гуманисты-раціоналисты на мѣсто идеи Бога поставятъ идею Совершеннаго Человѣка—и поклонятся ей.

Они будутъ поборниками того, что Толстой разумѣлъ подъ словами: „вознесеніе сына человѣческаго“.

Они не будутъ отрицать Бога (ибо это *глупо*), а лишь такъ поведутъ дѣло, что Богъ окажется „безъ надобности“.

Религію (какъ связь съ Богомъ) замѣнятъ нравственностью. Замѣнятъ „дѣлами закона“.

Если станете на мою точку зрѣнія, то увидите, что нынѣ происходящее можетъ быть опредѣлено, какъ привитіе къ образованному, гуманитарному европейскому обществу принциповъ іудейства. Тѣхъ принциповъ, на которыхъ стояли и которыми жили благочестивые іудеи время Спасителя.

И Вы еще увидите, что соперничество и борьба іудейскихъ учениковъ, раціоналистовъ-гуманистовъ, по существу можетъ прекратиться только присоединеніемъ къ еврейскому мессіи.

Только еврейскій мессія прекратитъ ихъ борьбу и установитъ между ними единеніе.

И это единеніе будетъ имѣть первымъ слѣдствіемъ гоненіе Церкви и стремленіе уничтожить ее, какъ вреднѣйшее суевѣріе.

Суевѣріе, которое вотъ уже 2000 лѣтъ мѣшаетъ единенію людей!!

И проповѣдь еврейскаго мессіи будетъ такъ убѣдительна и разумна, что „даже и избранные прельстятся“!

А насчетъ того, какая неразбериха существуетъ въ этой области, укажу Вамъ на письмо П—ко къ III—ну.

Все письмо *построено* на принципахъ церковнаго ученія и міропониманія. А между тѣмъ П—ко думаетъ, что онъ—врагъ церковнаго ученія. Тотъ фактъ, что Іуда—воръ и предатель, мѣшаетъ ему признать Христа въ нынѣшней Его плоти, т. е. Церковь Христову.

Я долженъ Вамъ сказать, что тотъ фактъ, что нынѣ люди благочестивые и разумные отвергаютъ Церковь, очень помогаетъ мнѣ понять и уяснить себѣ тотъ фактъ, что 2000 лѣтъ

тому назадъ люди, подобные Гамалиилу и Савлу, не видѣли Христа и гнали Христа.

Безъ этого, наблюдаемаго мною нынѣ, факта мнѣ совершенно нельзя было-бы понять и повѣрить, какъ это люди, подобные Гамалиилу, могли пройти мимо Христа, не видя Его. И этотъ фактъ отношенія къ Церкви доказываетъ мнѣ, что „плоть и кровь“ не можетъ дать знанія и вѣры о Церкви, совершенно подобно тому, какъ нѣкогда „кровь и плоть“ не могла дать знанія того, что плотникъ изъ Назарета— „Сынъ Бога Живаго“, „Сынъ Единный и Единородный“, Сынъ рожденный, но не сотворенный. Для плоти и крови это такая же нелѣпость, какъ видъ „возносящагося на небо“ Сына Человѣческаго, о чемъ и сказала Иисусъ Христось.

Перечитывая Ваше письмо, я не только не вижу ничего въ немъ такого, что порождало бы между нами разногласія по существу, а, напротивъ того, вижу полное принципиальное согласіе. Очень можетъ быть, что въ частномъ мы расходимся. Но вѣдь на то мы живые люди, а не вещи. Но это частное, по существу, не важно.

Какъ напримѣръ, укажу на П—ко. Онъ яростно бранить Церковь, а между тѣмъ, по существу, выдвигаетъ и отстаиваетъ принципы церковнаго ученія. Онъ почему-то этого не видитъ, не знаетъ, не сознаетъ.

Но вѣдь это и не важно по существу.

Важно то, что онъ, по существу, борется именно съ тѣмъ, съ чѣмъ, главнымъ образомъ, борется и Церковь, т. е. съ идеей челоуѣкобожества. Съ идеей замѣны Творца—тварью. Съ идеей упраздненія Бога за практической Егоненадобностью. И съ тенденціей замѣны религіи—нравственностью.

Я совершенно съ Вами согласенъ во всемъ томъ, что Вы пишете о роли подвижниковъ и святыхъ въ дѣлѣ обновленія и оживленія людей.

Но только я думаю, что люди эти—эти святые—всегда налицо, но—что напе несовершенство мѣшаетъ намъ ихъ видѣть. Поэтому неразумно искать по потаеннымъ мѣстамъ, а надо „очищать себя“, и эти святые сами къ намъ явятся, т. е. станутъ для насъ явны.

„Пусть будетъ готовъ ученикъ, а учитель всегда готовъ и налицо“.

Если мы твердо это усвоимъ и будемъ твердо знать, что

Учитель Христосъ всегда съ нами,—но мы не всегда Его видимъ,—то мы не будемъ „надѣяться на челоуѣковъ“. а возложимъ упованіе на Христа. Понятное дѣло, что Христосъ проявится для насъ въ видѣ челоуѣковъ, но, вѣдь, это—другое дѣло, ибо, хотя Онъ и проявится чрезъ челоуѣковъ, все же до скончанія вѣка Онъ—Единый Учитель и Верховный Первосвященникъ. И говоря о Немъ, я говорю не о силѣ только, а о Личности. Великій—Единый—Учитель уже приходилъ и уже находится налицо. Живетъ на землѣ въ Тѣлѣ естества челоуѣческаго жизнью соборной. И Тѣло это есть Церковь, глава которой—этотъ Единый Учитель Исусъ Христосъ.

И въ Немъ, и только въ Немъ, челоуѣчество обрѣтаетъ спасеніе, и единеніе, и *Бытіе*.

Всякій же другой *Учитель*, какъ только заведетъ *свои*, неминуемо внесетъ разъединеніе.

Франциски не вносили разъединенія, ибо оставались послушными церкви. Лютеръ-же внесъ разъединеніе, и его дѣло нынѣ трещить по всѣмъ швамъ и порождаетъ дробленіе до безконечности.

Ордена и общины всякія естественны и полезны¹⁾. Но только при условіи безусловнаго подчиненія Церкви.

Я не могу вѣрить въ *пришествіе* великаго учителя, потому что исповѣдую, что этотъ Единый Учитель уже пришелъ и есть, и живетъ среди людей. И, стоя на этой точкѣ зрѣнія, могу принять слова Спасителя (въ извѣстномъ смыслѣ), что приходящіе до Него и послѣ Него—воры и разбойники.

Вы говорите, что „Общество Звѣзды“ вѣритъ въ *пришествіе* Великаго Учителя. И я вѣрю. И я думаю, и знаю, что придетъ еврейскій мессія.

Но только для меня это—не Мессія, а кто-то другой: ибо

¹⁾ Орденское начало внесло искаженіе въ древній, вселенскій типъ монашества. Въмѣсто того, чтобы духовно устроить *црльскую* личность христіанина, возводя ее къ *обожсенію*, оно, по принципу „раздѣленія труда“, стало *фабриковать спеціалистовъ* въ монашескомъ дѣлѣ. Въмѣстѣ съ этимъ духовнымъ вывихомъ монашествующіе ордена закрѣпили на Западѣ искаженіе древне-церковнаго, соборнаго, каноническаго устройства, содѣйствуя торжеству папизма и крайнему умаленію епископата. См. объ этомъ въ книгѣ Януса (Дѣллингера) „Папа и соборъ“ (Берлинъ, 1870 г.), а также въ сочиненіи Генриха Чарльса Ли „Исторія инквизиціи въ Средніе вѣка“, т. I.

Мессія уже приходилъ—и съ тѣхъ поръ уже живетъ среди людей въ тѣлѣ естества человѣческаго.

Книга „Провозвѣстіе Рама-Кришны“ мнѣ очень по душѣ. Только я подивился, откуда это Рама-Кришна взялъ, что Церковь говоритъ только о „грѣхѣ“!

Вѣдь, ученіе Церкви о грѣхѣ совсѣмъ не то, какимъ себѣ представлялъ это ученіе Рама-Кришна.

Изъ книги Вы увидите, что Рама-Кришна, говоря о грѣхѣ по ученію Церкви, обвиняетъ это ученіе, главнымъ образомъ, въ томъ, что оно порождаетъ въ человѣкѣ „уныніе“ и чувство „безнадежности“.

А между тѣмъ Церковь и Отцы Церкви смотрѣли на „уныніе“ и „безнадежность“, какъ на величайшую ошибку, на состояніе, которое въ корнѣ противно Христіанству.

О чемъ же говоритъ Рама-Кришна и противъ кого спорить?

Вѣдь, его позиція и точка зрѣнія въ этомъ дѣлѣ именно церковныя, а не антицерковныя.

Прочитавъ книгу Рама-Кришны, я никакъ не могу отвѣтить на вопросъ: кто такой Р. Кришна: церковникъ или антицерковникъ по существу?

Чтобы это узнать, я долженъ былъ бы услышать отъ Рама-Кришны отвѣтъ на простой и ясный вопросъ, затрагивающій дѣло по существу: допускаетъ-ли онъ, что І. Христосъ есть Начатокъ, Источникъ и Глава новаго сверхъестественнаго Богочеловѣческаго *Организма*, надѣленнаго жизнью новаго порядка по существу, надѣленнаго не однимъ только существованіемъ, но и Бытіемъ?

И, только послѣ выслушанія отвѣта, я могъ бы рѣшить, одинаково-ли мы смотримъ на *дѣло* Христа, или же смотримъ различно.

При одномъ родѣ отвѣта, самъ Рама-Кришна не будетъ отличаться отъ І. Христа по существу. Онъ можетъ быть также названъ Христомъ. При другого рода отвѣтѣ, никакъ нельзя назвать Р. Кришну, или Серафима, или Франциска—Христомъ, а въ лучшемъ случаѣ—лишь частицами или молекулами Тѣла Христова ¹⁾.

Для уясненія Вамъ той путаницы, которая нынѣ суще-

¹⁾ Рѣчь идетъ о книгѣ „Провозвѣстіе Рамакришны“ (СПб., 1914), изоб-

ствуешь въ воззрѣнiяхъ на Православiе, даже между „богословами“, посылаю Вамъ статьи епископа Алексiя.

Варжанскiй—ученый академистъ-богословъ, а между тѣмъ, какъ увидите изъ статьи епископа Алексiя, проводитъ вполнѣ антиправославное ученiе ¹⁾).

Такiе факты много помогаютъ мнѣ разобраться въ сути дѣла. Пока до свиданiя. Пишите почаще. Крѣпко жму Вашу руку.
Д. Хилковъ.

XVI.

13 Юля 1914.

Дорогой Я. И., на дняхъ получилъ отъ П—ко копию его письма къ Ш., которую и посылаю Вамъ.

ражающей личность и ученiе индусскаго святого XIX в.—Рамакришны. Смысль не совсѣмъ ясныхъ разсужденiй кн. Д. А. Хилкова, повидимому, таковъ: Рамакришна упрекаетъ Церковь за такое ученiе, которое, на самомъ дѣлѣ, она также осуждаетъ. Слѣдовательно, въ данномъ вопросѣ Рамакришна считаетъ себя противникомъ Церкви лишь по недоразумѣнiю. Теперь, спрашивается, каково же отношенiе Рамакришны къ Церкви по существу дѣла? Было бы поспѣшно думать, что устраненiе указаннаго недоразумѣнiя само по себѣ устанавливаетъ, въ существѣ дѣла, и церковный уклонъ ученiя Рамакришны. Вѣдь, согласiе ученiй не опредѣляетъ еще того или другого пониманiя Самого Христа; и Рамакришна или признаетъ Господа Иисуса Христа исключительнымъ (и тогда самъ онъ—въ лучшемъ случаѣ—святой человѣкъ и, стало быть, не противъ Церкви), или же не считаетъ Его лицомъ исключительнымъ и имѣетъ самосознанiе своей, болѣе чѣмъ человѣческой, мисси (и тогда, въ извѣстномъ смыслѣ удоболагаетъ себя Христу, являясь Его противникомъ и, стало быть, противникомъ Церкви).—Насъ нѣсколько удивляютъ колебанiя Д. А-ча въ рѣшенiи вопроса объ отношенiи Рамакришны къ Церкви. Достаточно прочитать нѣсколько строкъ изъ „Провозвѣстiя“, чтобы усомниться въ „христіанствѣ“ Рамакришны: „Перепробовавъ всѣ религiи, я убѣдился, что Богъ, это—Все, а я Его часть, что Онъ—Господиный, а я Его слуга; и опять,—я убѣдился, что Онъ, это—я, а я, это—Онъ“ (стр. 21). О томъ же свидѣтельствуютъ слова его ученика Абедананды, который говоритъ о своемъ учителѣ: „Онъ принадлежатъ одновременно ко всѣмъ религiямъ, вѣроисповѣданiямъ и сектамъ мiра“. (Тамъ же, стр. 10). Станнымъ представляется намъ и поставленiе рядомъ иреч. Серафима съ Францискомъ. Тѣмъ болѣе, что самъ Д. А. Хилковъ, ссылаясь на одобряемую имъ книгу г. Лодыженскаго „Свѣтъ незримый“, признаетъ *существенную* разницу въ духовномъ устройствѣ названныхъ личностей (См. „Б. В.“ Июнь, стр. 280). М. Н.

¹⁾ На эти статьи еп. Алексiя г. Варжанскiй отвѣтилъ брошюрой „Миссионерская самозащита“ (Харьковъ, 1914 г.). М. Н.

Посылаю эту копію, во-первыхъ, потому, что мнѣ понравилось изложеніе, а во-вторыхъ и главнымъ образомъ—для того, чтобы обратить Ваше вниманіе на слѣдующее: II—ко бранить и отрицаетъ „ученіе поповъ“, а между тѣмъ все письмо къ III. построено и основано на положеніяхъ церковнаго ученія. Въ этомъ письмѣ нѣтъ ни одной мысли, ни одного положенія, которыя бы не имѣли фундаментомъ и основаніемъ ученія Церкви.

Я думаю, что это чрезвычайно знаменательно. Я говорю, конечно, не о части „нравственной“—нравственность во всѣхъ религіяхъ одна ¹⁾, а говорю о части религіозной и метафизической.

Въ каждой религіи, насколько я представляю себѣ дѣло, есть двѣ части. Одна, это—часть, не могущая быть высказана словами. Это—чувство связи съ Божествомъ и чувство оживленія Божествомъ. И другая часть, часть метафизическая, которая на основаніи этого чувства связи и оживленія формулируетъ извѣстное міровоззрѣніе, извѣстное представленіе о смыслѣ и значеніи, какъ своей личной жизни, такъ и жизни міра. Вотъ, эта вторая часть подлежитъ разбору и обсужденію.

И вотъ, когда я спрашиваю себя, къ какой религіи, въ смыслѣ вѣроученія и метафизики, принадлежитъ авторъ письма, то мнѣ приходится констатировать, что, дабы письмо имѣло смыслъ и не заключало въ себѣ противорѣчій, необходимо причислить автора къ ученикамъ церковнаго ученія.

Ходъ моего разсужденія такой:

Я спрашиваю: о какомъ богѣ говорить авторъ? О богѣ пантеизма или о Богѣ церковномъ? О богѣ—безличной силѣ, или о Богѣ Личномъ? О богѣ, котораго никакъ не могутъ трогать и касаться страданія твари, или о Богѣ, Который страдаетъ отъ страданій и грѣховъ твари?

Я еще спрашиваю: признаетъ-ли авторъ свое собственное существованіе?

Отвѣчая на эти вопросы, я вижу, что автора приходится опредѣлить, какъ человѣка, признающаго и исповѣдующаго коренные и основные догматы Церкви.

Если авторъ какъ будто отрицаетъ Личное и Личность,

¹⁾ *Одна*— въ смыслѣ категорическаго императива, предъавляющаго чисто формальное требованіе исполненія долга, но конкретное содержаніе *должнаго* разными религіями опредѣляется по-разному. *М. Н.*

то въ этомъ пунктѣ я вижу одно только недоразумѣніе, происходящее оттого, что авторъ называетъ личностью и личнымъ не то, что принято называть этимъ терминомъ.

Авторъ можетъ сколько угодно возставать противъ „личности“ и личнаго Бога, но разъ онъ приписываетъ Богу *волю*, то этимъ самымъ утверждаетъ, что онъ мыслить Бога Личнымъ. Ибо у безличной силы нѣтъ воли. И вотъ, оказывается, что авторъ подъ „личностью“ (человѣческой) разумѣетъ то, что Церковь, со словъ Павла, называетъ „духомъ человѣческимъ“. Само собой понятно, что духъ человѣскій не обладаетъ жизнью и знаніемъ жизни.

Авторъ называетъ „личнымъ“ то, что я называю „отсебятиной“, т. е. духъ человѣскій, не просвѣщенный, не осѣненный и оживотворенный Духомъ Божиимъ, т. е. благодатью. И въ этомъ авторъ не только не расходится съ ученіемъ Церкви, но, напротивъ того, передаетъ и высказываетъ пменно ученіе Церкви.

Говоря о личности въ связи съ личнымъ безсмертіемъ, П—ко запутываетъ то, что по существу совершенно ясно и просто.

Подъ словами личность и личное обыкновенно разумѣютъ *бвѣ* вещи:

Первое: личностью называютъ ту форму жизни, при которой проявляются: чувство, воля и разумное сознаніе.

Поэтому, приписывая Богу чувство, волю и разумное сознаніе, мы говоримъ, что Богъ Личный—Личность—Лицо.

Но, при этомъ, памятуя, что Богъ *непознаваемъ* по существу, мы не можемъ отрицать того, что Богъ безличенъ ¹⁾.

Второе: когда говорятъ о личности, то часто разумѣютъ конкретное и опредѣленное существо: *а*, *б*, или *в*.

Тутъ важно только выяснитъ вопросъ о томъ, допускаемъ ли мы, или же отрицаемъ самостоятельное существованіе этого существа—Ивана или Петра?

Бѣдь, для пантеиста или приверженца философіи абсолюта ни Ивана, ни Петра, по существу и въ дѣйствительности, нѣтъ.

Затѣмъ, говоря о личности, мы не должны забывать, что если мы личностью называемъ носительницу и выразительницу чувства, воли и разумаго сознанія, то постольку, поскольку несовершенны чувства, воля и разумное сознаніе,

¹⁾ Правильнѣе—*сверх-личенъ*. М. Н.

постольку несовершенна и личность. Значить, *личность* въ процессѣ *становленія*. Ея еще нѣтъ. Она есть идеаль, къ которому мы стремимся.

И здѣсь камень преткновенія для П—ко, это—обособленность и отдѣленность личности. Трудно мыслить единеніе обособленныхъ личностей. Самосознаніе какъ будто раздѣляеть и обособляетъ, а не соединяетъ.

Какъ же тутъ быть?

Мнѣ думается, что надо отличать самосознаніе отъ сознанія.

Съ теченіемъ времени, вѣроятно, выяснится, что есть сознаніе и помимо самосознанія. Мнѣ думается, что индусы, говоря о томъ, что наше истинное я не есть я нашего разумнаго сознанія, — указываютъ на то самое, о чемъ я говорю.

Но не будетъ-ли тутъ противорѣчія съ ученіемъ Церкви? Нисколько.

Не надо забывать, что такое ученіе Церкви и *цѣль* его.

Ученіе Церкви имѣетъ цѣлью спасеніе душъ человѣческихъ.

Если этого не забывать, если не забывать, что ученіе Церкви обращается къ массѣ, то мы увидимъ, что Церковь, нигдѣ не грѣша противъ истинъ метафизики, въ то же время выражаетъ эти истины именно такъ, какъ нельзя лучше ихъ выразить, если наша цѣль въ спасеніи душъ человѣческихъ.

Укажу Вамъ на такой примѣръ: очень можетъ быть, что „будущее“ наше напередъ извѣстно и опредѣлено.

Но Вы согласитесь съ тѣмъ, что для насъ полезно не знать этого будущаго. Очень можетъ быть, что въ Богѣ—въ извѣстномъ смыслѣ мы „связаны“ и „принуждаемы“. Но согласитесь съ тѣмъ, что, для дѣла спасенія нашей души, для насъ полезно полагать нашу волю свободной.

Представьте себѣ, что Оригенъ былъ правъ, и перевоплощеніе есть фактъ.

Но согласитесь съ тѣмъ, что ученіе Церкви, объ этомъ предметѣ болѣе способствуетъ дѣлу заботы о спасеніи души, чѣмъ мнѣніе Оригена.

Вѣдь, несомнѣнно, что ученіе Церкви, сосредоточивая все вниманіе людей на этомъ воплощеніи болѣе способствуетъ

производству „усилій“, чѣмъ ученіе, которое раскидываетъ эти усилія на безконечное число жизней.

Совершенно такъ же, какъ въ этой жизни мы должны быть внимательны къ *сегодняшнему* дню и не откладывать на завтра то, что можемъ сдѣлать сегодня, такъ точно Церковь учитъ *вниманію* къ теперешней нашей жизни.

И совершенно подобно тому, какъ полезно для человѣка жить такъ, какъ будто онъ вечеромъ умретъ, такъ точно полезно для человѣка не задумываться о „будущихъ воплощеніяхъ“, а вполне использовать настоящее.

Если мы, разбирая ученіе Церкви и сравнивая это ученіе съ другими, все время будемъ имѣть въ виду *цѣль* Церкви, т. е. спасеніе душъ, то увидимъ, что это ученіе, дѣйствительно, превосходитъ всѣ остальные, ибо наилучше приспособлено для этой цѣли.

И еще мы увидимъ, что только это ученіе можетъ удовлетворить самыхъ разнообразныхъ людей. Людей, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ, какъ нравственного, такъ и умственного совершенства.

Всѣ ученія говорятъ: сперва исправьтесь (такъ или иначе), а потомъ идите ко мнѣ. Одна только Церковь всѣхъ зоветъ и принимаетъ въ *томъ положеніи*, въ какомъ они находятся. Только лишь къ одной Церкви приложимы слова Спасителя: нуждаются во врачѣ *больные*.

Обдумайте это, и Вы увидите, какія огромныя практическія послѣдствія это имѣетъ для жизни.

Сравните безпристрастно ученіе Церкви и ученіе Толстого. Толстой пятью заповѣдями провель черту, отдѣляющую „спасенныхъ“ отъ „погибшихъ“.

Онъ говоритъ: сперва исполни пять заповѣдей, *потомъ* назовись христіаниномъ.

Церковь же относится къ дѣлу такъ, какъ отнесся Спаситель къ разбойнику на крестѣ.

Толстой, — если онъ послѣдователенъ, — *долженъ* отказать *палачу* въ званіи или именованіи христіанина.

Церковь не отказала бы въ Причастіи палачу послѣ таинства покаянія.

Что же изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что, насколько человѣкъ самъ въ себѣ считаетъ себя и смотритъ на себя, какъ на блуднаго сына и разбойника, настолько же онъ бу-

детъ чувствовать, что нѣтъ ему прибѣжища и спасенія внѣ любви Отчей и Церкви Христовой.

Насколько же онъ мнитъ себя „старшимъ сыномъ“, всегда бывшимъ при Отцѣ, настолько ему „безъ надобности“ и любовь Отца и Церковь Христова.

Въ этомъ, какъ я думаю, вся суть дѣла. И, когда сектанты ругаютъ церковниковъ разбойниками и блудниками, они совершенно правы. Церковники (по типу) именно такъ на себя и смотрятъ. И именно этимъ и отличаются отъ сектантовъ по типу. И въ этомъ, опять-таки, причина того, что для церковника вся суть въ *Личности* Спасителя, а для сектанта въ *ученіи*. Церковникъ нуждается въ любви и прощеніи Отца, ученіе же—его только *осуждаетъ*. Старшаго же сына ученіе оправдываетъ. Вотъ объ этомъ и говорилъ Спаситель, говоря о томъ, что тотъ, кому больше прощено (у кого есть больше такого, что нуждается въ прощеніи), тотъ больше любитъ.

Вотъ въ этомъ и лежитъ основа приверженности „простого народа“ къ Церкви, а вовсе не въ томъ, что кто-то обманулъ эти массы и одурманилъ.

Значитъ, церковникъ по типу, признавая и сознавая свою скверну, обязательно будетъ признавать и зло.

Старшій же сынъ, не видя въ себѣ скверны, можетъ поступить *оваяко*:

Или признать зло въ меньшемъ братѣ, или же, *желая* быть великодушнымъ, но, видя все же *разницу* между собой и меньшимъ братомъ, можетъ найти лазейку въ томъ, чтобы отвергнуть зло по существу.

Тутъ онъ убиваетъ двухъ зайцевъ:

- 1) все же отгораживается отъ блуднаго брата,
- 2) и въ то же время какъ будто прощаетъ его. *Зла, молъ, нѣтъ* по существу!

„Старшій братъ“, признающій зло и блудъ младшаго, это—типъ иудейскаго законника.

„Старшій братъ“, отвергающій зло по существу, это—типъ новой формации, ничего общаго ни съ Вѣтхимъ Заветомъ, ни съ Новымъ не имѣющій. Это—продуктъ рационализаціи и модернизациі пантеистической философіи.

Перечитывая письмо П—ко и обдумывая его отношеніе къ Церкви, я пришелъ къ заключенію, что камнемъ преткно-

венія для него по отношенію къ Церкви служить какъ разъ то же самое, что служило камнемъ преткновенія для іудейскаго законника по отношенію къ Іисусу.

Если вникнете въ отношенія іудейскаго законника къ Іисусу, то увидите, что драма и трагедія происходили оттого, что іудейскіе законники никакъ не могли примирить въ своемъ сознаніи *двѣ* вещи: *полное* Божество и *полное* чело-вѣчество Плотника изъ Назарета. Если Вы только вообразите, что Іисусъ „выразилъ“ одно изъ двухъ: или полное Божество, или же полное чело-вѣчество, то Вы увидите, что не могло бы произойти того, что происходило между Нимъ и законниками.

Совершенно въ такомъ же положеніи и Богочело-вѣческой Организмъ, называемый Церковью.

Если вникнете во все то, что выставляется противъ Церкви, Вы увидите, что соблазны и недоумѣнія имѣютъ своей причиной именно существо Церкви, именно сліяніе Божескаго и чело-вѣческаго. То требуютъ отъ нея одно Божеское, забывая про чело-вѣчество ея; то требуютъ одно чело-вѣчское, забывая про Божескую ея природу.

Какъ разъ такое же отношеніе было и къ Плотнику изъ Назарета. То камнями побить за богохульство; то сдѣлать царемъ, дабы насытиться; то дай намъ знаменія съ неба, то запрети ученикамъ возглашать осанну!

Я люблю читать письма П—ко, такъ какъ они порождаютъ много мыслей и помогаютъ мнѣ уяснить себѣ суть дѣла.

Пока до свиданія. Какъ у Васъ урожай? У насъ яровья плоховаты. Больше мѣсяца не было дождя. Только вчера былъ дождь. Качали медъ. Добыли 160 пудовъ. Яблокъ въ этомъ году масса. Всего хорошаго.

Д. Х.

XVII.

4 Августа 1914 г.

Дорогой Я. И., получилъ Вашу открытку. Я все на хуторѣ. Недавно кончилась работа съ пчелами. Медъ вынуть и проданъ. Въ этомъ году его было много. Теперь идетъ уборка яблокъ. На дняхъ начнется посѣвъ. Сегодня выпахиваютъ картофель; на этомъ мѣстѣ посѣется жито.

Мобилизація у насъ прошла хорошо и спокойно. Этому

много способствовали разумныя распоряженія администраціи: закрытіе монополекъ и т. п.

На моемъ вѣку было три войны: турецкая, японская и нынѣшняя. Мобилизацію при первыхъ двухъ я не видѣлъ. Теперь же, присутствуя при мобилизаціи, я убѣждаюсь на дѣлѣ, что мои предположенія объ отношеніи народныхъ массъ къ войнѣ правильны.

Наблюдая „дѣйствіе“ войны на людей, взятыхъ въ массѣ, я вижу, что война производитъ хорошее дѣйствіе на людей. Сплочаетъ ихъ, объединяетъ и заставляетъ думать о другихъ (см. добавленіе ¹⁾).

Часто говорить о несчастьяхъ и страданіяхъ, которыя война приноситъ. Здѣсь большое недоразумѣніе. Возьмемъ аналогію.

Каждый врачъ и статистикъ Вамъ скажетъ, что при эпидеміи холеры общее количество *смертей* въ странѣ не увеличивается. Разница только въ томъ, что число смертей отъ другихъ болѣзней сокращается, и всѣ, „подлежащія смерти“, умираютъ отъ холеры.

По отношенію къ войнѣ я говорю слѣдующее: въ каждомъ данномъ народѣ, въ зависимости отъ его духовнаго облика, сумма горя и несчастья есть величина опредѣленная.

Во время войны это горе и несчастье, въ общемъ своемъ количествѣ, не увеличивается, а лишь происходятъ *два* перемѣны: 1) большое количество горя и несчастья является въ связи именно съ войной, и 2), и главное, это количество общаго горя и несчастья болѣе *равномѣрно* распредѣляется на единицы даннаго народа.

Наши представленія объ „ужасахъ“ холеры и войны вдобавлены намъ тѣми „счастливыми“, которые успѣли „свою долю горя и несчастья“ свалить на чужія плечи.

Во время холеры и войны эти „счастливыя“ живутъ подъ *угрозой* того, что и имъ придется „страдать“. Вотъ причина отрицательнаго отношенія „счастливыя“ къ холерѣ и войнѣ. Простой народъ, живущій инстинктомъ, не боится ни холеры, ни войны, пока онъ не одурманенъ боязнью „счастливыя“.

Голодъ, холера, война—объединяютъ людей.

¹⁾ Т. е. P. S. въ концѣ письма. М. Н.

Кромѣ того, „опасность“ всего этого хоть немного приподымаетъ завѣсу съ истинной сущности человѣка и показываетъ ему и другимъ, кто онъ есть на самомъ дѣлѣ.

„Счастливики“ получаютъ возможность на дѣлѣ узнать много такого, чего бы никогда не узнали при такъ называемомъ „мирномъ житіи“. Обратите вниманіе на злоключенія высокопоставленныхъ лицъ въ Германіи.

Многіе сельскіе сходы постановили помочь въ уборкѣ хлѣба и въ посѣвѣ семьямъ тѣхъ, кто ушелъ на войну.

Что это значитъ? Это значитъ то, что „сходъ“ сообразилъ, что женщина съ пятью дѣтьми не можетъ „убрать“ сама своего поля.

Но развѣ въ „мирное“ время такихъ женщинъ мало? Почему же „сходы“ не видѣли, что имъ надо помочь?

Я не буду умножать примѣровъ, такъ какъ, если Вы поймете мою точку зрѣнія, то примѣровъ найдете сколько угодно.

Рядомъ со всѣмъ этимъ *внутренняя нелѣпность* „отказа отъ военной службы“ выступаетъ особенно ярко. Я слышалъ, что въ Сумахъ одинъ запасный „отказался“. Военскій начальникъ предложилъ ему зачислить его въ санитары. Тотъ отказался и отъ этого.

Я думаю, что такой отказъ (отказъ, доведенный *до логического конца*) лучше всякихъ разсужденій способенъ уяснить окружающимъ, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ христіанствомъ.

При разсужденіяхъ о войнѣ тщательно стараются забыть (пасифисты), что человѣчество, взятое въ массѣ, стоитъ въ болотѣ, а потому обязательно, дабы выйти на берегъ, должно пройти болотомъ.

Кромѣ того, тщательно замалчивается слѣдующее: никто не отрицаетъ, что есть святые, для которыхъ было бы странно поступать въ войско. Я, напримѣръ, не могу себѣ представить Серафима Саровскаго ополченцемъ. Замалчивается тотъ фактъ, что не всѣ отказывающіеся—Серафимы Саровскіе.

Вотъ и спрашивается: полезно-ли для человѣка „взвинчивать“ себя до житія „*выше совѣсти*“?

Съ психологической стороны, можно еще посмотрѣть на дѣло со слѣдующей точки зрѣнія.

Представимъ себѣ, что люди дѣлятся на двѣ категоріи.

Одна группа „переросла нужду въ войнѣ“. Другая не переросла. Теперь спрашивается: въ какую группу долженъ стать „толстовецъ“, который бы понялъ смыслъ и значеніе разсказа „Отецъ Сергій“?

Я еще спрошу: вотъ у Васъ есть книга „Провозвѣстіе“ Рама-Кришны“? Если Вы ее прочли, то скажите: какъ Вы думаете, какъ отнесся бы Рама-Кришна къ нынѣшней войнѣ и что сказалъ бы о ней?

Когда я думаю о томъ дѣйствиіи, которое эта война произвела на нашъ народъ, взятый въ цѣломъ, то чувствую полное удовлетвореніе. Ибо я всегда говорилъ, что это дѣйствіе будетъ именно такимъ, какимъ оказалось на дѣлѣ.

Кромѣ того, если не будутъ забыты тѣ принципы, во имя которыхъ она началась, тѣ принципы, отстаивая которые мы были вовлечены въ войну, то эта война непременно приведетъ къ великимъ и свѣтлымъ событіямъ.

Эта война будетъ грозной и тяжелой. Многіе положатъ жизни свои. Но что съ того, если всякій, умирая, будетъ умирать съ твердой вѣрой въ непоколебимость Царскаго слова,—если всякій будетъ умирать съ увѣренностью, что жизнь его потрачена не даромъ, а вошла какъ часть, въ то усиліе, которое долженъ сдѣлать народъ ради отраженія дерзкаго врага.

Стоя на основѣ словъ Царя и тѣхъ принциповъ, которые положены въ *духовную* основу нынѣшней войны, я думаю, что она чревата великими событіями. Лишь бы не отсырѣлъ духовный порохъ въ пороховницахъ нашего народа!

Если напишете мнѣ о своихъ наблюденіяхъ, переживаніяхъ и мысляхъ, буду очень радъ.

Еще очень бы просилъ Васъ узнать въ Майкопѣ, куда пойдутъ второй Кубанскій и второй Хоперскій казачій полки: на Западъ или на Кавказъ? Мнѣ очень нужно это знать. Всего хорошаго. Крѣпко жму Вашу руку.

Д. Хилковъ.

Р. С. Перечитавъ свое письмо, я вспомнилъ тѣ возраженія, которыя выставляются противъ моей точки зрѣнія, и хочу сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Часто говорятъ: „стоя на Вашей точкѣ зрѣнія, можно также и въ пожарѣ видѣть „добро“, такъ какъ люди соеди-

няются для тушенія. Неужели же надо *поджигать* села, чтобы имѣть случай вызвать единеніе!“

Такое возраженіе не серьезно, ибо извращаетъ вопросъ.

При моей точкѣ зрѣнія говорится не о *поджогахъ*, а о тѣхъ пожарахъ, которые наступили *помимо нашей воли*.

Говорится о тѣхъ *буряхъ*, наступленіе которыхъ зависитъ не отъ насъ, и которые заставляютъ насъ вспоминать Бога и молиться.

Говорится не о нападеніяхъ, а о защитѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, извѣстныхъ принциповъ и идей.

Кромѣ того, въ основаніе моей точки зрѣнія положена вѣра въ Промыслъ Божій.

Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что для того, для кого чужда идея вѣры въ Промыслъ Божіей, моя точка зрѣнія неприемлема въ принципѣ.

Теперь я спрашиваю: можно-ли, по справедливости, сказать, что Россія въ лицѣ ея Царя и Правительства сдѣлала все возможное ради избѣжанія войны?

Я отвѣчаю: да, можно!

Поэтому я въ правѣ смотрѣть на нынѣшнюю войну, какъ на испытаніе, какъ на урокъ, ниспосланный Россіи Промысломъ Божіимъ. Но какъ же относиться къ ней частнымъ лицамъ, что имъ дѣлать?

Вѣдь, можетъ быть, для Ивана или Сидора, это—именно—испытаніе въ твердости его антимилитаристическихъ убѣжденій.

Мнѣ думается, что въ данномъ случаѣ, какъ вообще во всѣхъ случаяхъ, единственно правильный и исчерпывающій отвѣтъ даетъ Церковь въ лицѣ монаховъ и духовенства.

Монахи и священники не воюютъ, но идутъ на поле брани и напутствуютъ умирающихъ. Они *не отдѣляютъ себя отъ ближнихъ*. Не укрываются отъ смертельной опасности и тихо, спокойно и, главное, незамѣтно дѣлаютъ христіанское дѣло.

И вотъ, когда я сравниваю образъ дѣйствій того чело-вѣка, который въ Сумахъ отказался идти въ санитары, съ образомъ дѣйствія тѣхъ 70 іеромонаховъ, которые изъ Москвы поѣхали на поле брани, подвергая себя смертельной опасности, ради духовнаго служенія ближнимъ, то для меня не представляется труднымъ рѣшить, кто именно поступилъ согласнѣе Евангельскому завѣту.

Люди, которые несерьезно относятся къ вопросу о войнѣ, обыкновенно представляютъ дѣло такъ, что на войнѣ всѣ непременно кого-нибудь убиваютъ.

Они тщательно стараются забыть или не помнить объ „іеромонахахъ“ и „Каратаевыхъ“. Они никогда не задаются, напримѣръ, такимъ вопросомъ: какъ отнесся бы къ войнѣ „Отець Сергій“? Пошелъ-ли бы онъ на поле брани, или ушелъ бы съ поля брани?

А вѣдь согласитесь съ тѣмъ, что именно это, эти вопросы лежатъ въ основѣ правильнаго отношенія, христіанскаго отношенія къ войнѣ.

Обдумайте серьезно суть и основу отношенія къ войнѣ Церкви, антимилитаристовъ и толстовцевъ—и Вы должны будете признать, что при серьезномъ и всестороннемъ разборѣ вопроса и при условіи обращенія вниманія на *практическую* сторону вопроса—отношеніе Церкви одно только находится въ полномъ согласіи съ Благоувѣствованіемъ,—одно только ясно и понятно указываетъ путь спасенія каждой индивидуальности со всѣми ея особенностями—души.

Я согласенъ съ тѣмъ, что если мы забудемъ про эту индивидуальную душу и ея спасеніе, то точка зрѣнія антимилитаристовъ и толстовцевъ имѣетъ много „разумнаго“.

Но, вѣдь, дѣло въ томъ, что Церковь *не можетъ* этого забыть, ибо все дѣло ея состоитъ именно въ спасеніи душъ.

Д. Х.

XVIII.

14 Августа 1914 г.

Дорогой Я. И., только что получилъ Ваше письмо. Копію съ письма П—ко оставьте пока у себя.

Съ Вашимъ отзывомъ о „Провозвѣстіи“ я совершенно согласенъ. Я думаю, что это потому, что мы оба держимся Евангелія, а въ Евангеліи видимъ центръ тяжести въ личности Іисуса Христа. Но я все-таки думаю, что „Провозвѣстіе“—книга полезная и хорошая. Я думаю, что именно къ такого рода книгамъ относятся слова Павла: „все *испытывайте*, хорошаго держитесь“. Кромѣ того, такая книга полезна, какъ провѣрка, какъ нѣчто такое, что позволяетъ уяснить самому себѣ свою концепцію христіанства.

Еще она полезна въ томъ смыслѣ, что указываетъ намъ на разнообразіе въ теченіяхъ мысли въ Индіи. Метафизическая часть книги, въ ясной и простой формѣ, помогаетъ намъ уяснить себѣ метафизику христіанства: догматы христіанства и ихъ значеніе. Я не знаю, читали-ли Вы догматику, но представьте себѣ ту же догматику въ изложеніи профессора богословія и Отца Церкви. Представьте себѣ, что Отецъ Церкви сталъ бы излагать догматику на базарѣ—простымъ людямъ. Само собою понятно, что форма изложенія была бы не та, что въ академическомъ учебникѣ.

„Провозвѣстіе“ тѣмъ интересно, что, излагая глубокія метафизическія истины, оно обращается не къ одному *интеллекту* человѣка, а ко всему человѣку. Связываетъ эти истины не съ однимъ интеллектомъ, но и съ чувствомъ и волей человѣка.

Очень бы Васъ просиль послать „Провозвѣстіе“ Павлу Васильевичу Н—ву. Я получилъ отъ него письмо и писалъ ему. Судя по его письму, онъ—пантеистъ. Но въ то же самое время держится Евангелія и все время старается „вчитать“ въ Евангеліе философію пантеизма.

Совершенно такъ же, какъ, напримѣръ, Б—скій, силится показать, что Евангеліе есть лишь популярный пересказъ философіи Эд. Гартмана и Геккеля.

Оба они это дѣлаютъ, главнымъ образомъ, потому, что имъ обоимъ кажется, что пантеизмъ, монизмъ и философія безсознательнаго болѣе удовлетворяютъ запросамъ ихъ сердца и разума, нежели ученіе Церкви. При этомъ, отвергая ученіе Церкви, ни тотъ ни другой его не знаютъ. Евангелія же держатся по привычкѣ. Получается невообразимая путаница. Опровергая то, что они считаютъ ученіемъ Церкви, они дѣлаютъ это при помощи основныхъ церковныхъ положеній. То же дѣлаетъ и П—ко. Такое положеніе вещей чрезвычайно печально.

Н—въ, придя, напримѣръ, къ совершенно правильному заключенію, что мы не судьи своему ближнему, вдругъ дѣлаетъ выводъ, что въ ближнемъ, а следовательно и въ насъ *самихъ* нѣтъ ничего такого, что подлежало бы вообще осужденію.

Само собою понятно, что такое положеніе не можетъ принять и не принимаетъ ни одинъ преступникъ. Странность

въ томъ, что Н—въ не видитъ, что тутъ онъ проповѣдуетъ не Евангеліе, а „нитцшеанство“, въ самой грубой и поверхностной его формѣ.

И вотъ, мнѣ кажется, что Н—ву было бы интересно прочесть „Провозвѣстіе“.

Другой вопросъ, о который спотыкаются наши „теософы“, это—вопросъ о единствѣ. Церковь учитъ, что единства и единенія нѣтъ. Что они—въ процессѣ *становленія*. Церковь *молится о ихъ наступленіи*—осуществленіи. Какъ и Христосъ молился: „Да будутъ всѣ едино“. Если молился о наступленіи, значитъ—единства еще нѣтъ. Теософы же учатъ и думаютъ, что оно уже есть. Отсюда страшная путаница и неизбежный разрывъ въ человѣкѣ между его чувствомъ, разумомъ и волей.

Каждый, конечно, воленъ, держаться любой метафизики. Только зачѣмъ же пристегивать къ ней Евангеліе? Для меня очень полезно и поучительно знакомство съ критикой Церкви обыкновенными людьми.

Изъ этой критики становятся ясными, до очевидности, суть и смыслъ, и значеніе церковнаго ученія. При чтеніи писемъ П—ко, Б—го и Н—ва, вполне ясно обнаруживается, что ученіе Церкви, во-первыхъ и главнымъ образомъ, есть ученіе практическое съ весьма простой и ясной цѣлью, а именно: спасти души человѣческія.

Смотря на церковное ученіе съ этой точки зрѣнія, становится яснымъ и понятнымъ, почему, именно, Церковь настаиваетъ на однихъ положеніяхъ и отвергаетъ другія.

Напримѣръ, мнѣ лично очень симпатично ученіе Оригена о перевоплощеніи и о томъ, что въ концѣ концовъ даже бѣсы получаютъ прощеніе.

Но если ученіе Церкви имѣетъ цѣлью спасеніе душъ человѣческихъ и стремится сдѣлать усилія людей *интенсивными* (на пути спасенія), то само собою оно, не предавая Оригена анаемѣ¹⁾, должно было осудить ученіе Оригена²⁾, ибо ученіе Оригена какъ бы оставляло лазейку для „от-

1) См. „Б. В.“, іюнь, стр. 284-ю, примѣчаніе 2-е.

2) Здѣсь авторъ, повидимому, отказывается отъ раньше высказаннаго имъ взгляда (см. „Б. В.“ іюнь, стр. 284) на отношеніе Церкви къ ученію Бриггана о перевоплощеніи. *М. Н.*

кладыванія усилий“ до будущаго какого-нибудь воплощенія.

Поэтому Оригенъ подчинившись Церкви, поступилъ правильно.

И я лично требую „подчиненія и послушанія“ Церкви въ виду того, что оно главнымъ образомъ полезно для духовнаго роста „послушнаго“.

Изслѣдуя и разбирая другія „запрещенія“ Церкви, я вижу, что, если цѣль Церкви „спасеніе душъ человѣческихъ“, и кромѣ того, если, дѣйствительно, земная жизнь человѣка есть лишь *эпизодъ* во всей жизни человѣка, то Церковь безусловно права.

Вотъ, почему разумная борьба противъ Церкви должна начаться именно съ утвержденія того, что никакой другой жизни, кромѣ земной, нѣтъ. Что „души безсмертной нѣтъ“. Такъ и дѣлаютъ противники (серьезные) Церкви.

Но если мы признаемъ душу человѣка и свободную волю въ человѣкѣ, если говоримъ о жизни „вѣчной“, то серьезно возражать противъ ученія Церкви нельзя.

Тѣ совершенно вѣрные „выводы“, на которыхъ настаиваетъ П—ко, вытекаютъ изъ основныхъ положеній Церкви, но никакъ не могутъ вытекать изъ какого-бы то ни было ученія, противнаго ученію Церкви. И если П—ко можетъ занимать то положеніе по отношенію къ Церкви, которое занимаетъ, то только потому, что онъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ основныя принципы и положенія. Л. Н., напримѣръ, отлично видѣлъ эту дилемму и боролся противъ нея тѣмъ, что объявилъ принципы и основныя *метафизическія положенія*—не имѣющими значенія. Такой способъ крайне наивенъ, ибо обрекъ „на смарку“ одну изъ основныхъ потребностей духа человѣческаго. Но, вѣдь, и Л. Н. не могъ удержаться на такой позиціи и кончилъ тѣмъ, что написалъ книгу „О жизни“ и книгу „Христіанское ученіе“. Какъ въ той, такъ и другой ему пришлось стать въ явное противорѣчіе съ Евангеліемъ.

И если профессора богословія ему не возразили, то только потому, что и ихъ „рыльце было въ пуху“. Они боялись, что, возражая Льву Николаевичу, они еще больше „возражаютъ самимъ себѣ“.

Спасая себя, они промолчали и никогда не затрогивали и не разбирали *вопроса по существу*.

Но можетъ-ли это служить доводомъ противъ Церкви? Противъ того Богочеловѣческаго Организма, въ которомъ нынѣ Христосъ живетъ на землѣ, въ Тѣлѣ естества человѣческаго, жизнью соборной? Очевидно не можетъ!

Ту разумную силу, которая вовлекаетъ весь міръ въ борьбу, для какихъ-то цѣлей, я называю Промысломъ Божиимъ.

Провидѣть послѣдствія намъ не дано; намъ только дано надѣяться на „лучшее“, потому что съ нашей стороны не нарушаются, а утверждаются принципы жизни.

Не мы виновны въ кровопролитіи. Мы не преслѣдуемъ эгоистическихъ цѣлей. А разъ въ основу положено „самоотреченіе“ ради блага другихъ, то есть полное основаніе предполагать, что все будетъ хорошо.

Сравните нынѣшнюю войну съ Японской.

Тогда — пьяный угаръ и непростительное хвастовство. Нынѣ — трезвое, серьезное и молитвенное настроеніе.

Уже одно закрытіе монополекъ чего стоитъ! Десятки милліоновъ людей *отрезвѣли*. Представьте себѣ дни получки жалованія на фабрикахъ прежде и теперь. Обратите вниманіе на взаимныя отношенія людей разныхъ т. н. „партій“ нынѣ и теперь! Не въ правѣ-ли мы сказать, что война дала возможность людямъ, хоть на время, одуматься; *выйти* изъ состоянія *одурманенія*. Дѣйствительность подтверждаетъ на дѣлѣ, на опытѣ, именно то, что я всегда говорилъ о войнѣ. Мы теперь на дѣлѣ, на практикѣ можемъ видѣть, что именно хотѣлъ сказать Рескинъ, когда утверждалъ, что, хотя онъ и не знаетъ, вредна или полезна война, но знаетъ на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ, что послѣ и во время войны люди чище, благороднѣе, больше у нихъ сочувствія другъ къ другу.

Благодаря войнѣ, многое вскрылось и стало яснымъ. Угаръ и дурманъ какъ-бы вѣтромъ снесло, и атмосфера жизни народа очистилась.

И что бы ни настало потомъ, люди, вспоминая это время, будутъ всегда имѣть основаніе для утвержденія, что состояніе недовѣрія другъ къ другу, состояніе вражды и презрѣнія другъ къ другу не обязательны.

Какъ жаль, что Льва Николаевича нѣтъ болѣе!

Онъ могъ бы убѣдиться на дѣлѣ, какъ онъ былъ правъ принципально въ своихъ сочиненіяхъ „Война и миръ“ и

„Севастополь“, и какъ радикально ошибался принципиально въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ, въ томъ, что говорилъ о войнѣ.

Обратите еще вниманіе на то, что вопросъ о томъ, увеличивается-ли во время войны *сумма страданій*, давящая на плечи *даннаго народа*, подлежитъ еще разбору,—что это не доказано и не обосновано.

А между тѣмъ, тотъ фактъ, что эти страданія распредѣляются болѣе равномерно на плечи всѣхъ единицъ народа, ясенъ и очевиденъ.

Странно и парадоксально, но все же истинно то, что многимъ семьямъ запасныхъ нынѣ живется лучше, чѣмъ до войны.

А тотъ фактъ, что на ихъ положеніе нынѣ обращено больше вниманія, не подлежитъ сомнѣнію.

Нынѣ всякія нелѣпости и всякая мертвечина особенно становятся явными.

Въ Сумахъ одинъ запасный отказался идти.

Воинскій начальникъ предложилъ ему зачислить его въ санитары.—Нѣтъ!—говорить,—не хочу и въ санитары!

Спрашивается: не явна-ли тутъ самая отчаянная „отсебятина“? Самое отчаянное „своеволие“. Самое отчаянное утвержденіе себя. И—конечной, полной „механичности“, ибо „жизненности“ тутъ нѣтъ, и всякому это ясно.

Было-бы странно видѣть монаха колющимъ и рубящимъ (хотя я лично не отвергаю возможности этого, если тутъ нѣтъ „отсебятины“, а дѣйствуетъ „посланничество“), но странно было-бы отъ монаха—ну, хотя бы отъ „отца Сергія“—услышать, что онъ и въ санитары „не хочетъ“.

Еще очень поучительно засѣданіе Думы.

Одни социаль-демократы ухитрились сказать „мертвые, механическія слова“. Бѣдные социаль-демократы!

Помните въ „Аннѣ Карениной“ художника Михайлова и его мнѣніе о работѣ Вронскаго?

Толстой говорить по этому поводу о томъ, что никто не можетъ запретить человѣку сдѣлать себѣ „восковую куклу“ и ласкать ее. Но что для „влюбленныхъ“ было бы неприятно, если-бы человѣкъ при нихъ ласкалъ свою куклу!

Социаль-демократы въ Думѣ—очень напомнили мнѣ этого человѣка „съ куклой“.

А развѣ отказавшійся идти въ санитары—не ласкалъ восковой куклы?

Дѣло только въ томъ, что, если нѣтъ налицо „влюбленных“, то эти ласки куклы—проходятъ незамѣтно. Но при наличности „влюбленных“ механичность и мертвечина этихъ ласкъ становится особенно замѣтной! *Глухая* травля евреевъ „Русскимъ знаменемъ“ до войны не всѣхъ коробила. Нынѣ же и Пуришкевичъ ею возмущается!

И мнѣ думается, что Промыслъ Божій и посылаетъ войны, моры и землетрясенія для „вывода“ людей изъ состоянія духовной смерти и одурманенія.

При серьезномъ и безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу, мы должны признать, что война не только не есть средство „одурманенія“, но какъ разъ наоборотъ. Промыслъ Божій всегда пользуется ею, какъ средствомъ, для отрезвленія людей отъ того дурмана, въ который они погрязли.

Всего хорошаго. Крѣпко жму Вашу руку. *Д. Хилковъ.*

XIX.

2 Сентября 1914 г.

Дорогой Я. И., письмо Ваше давно получилъ и давно написалъ отвѣтъ, но не посылалъ его, т. к. по прочтеніи его увидѣлъ, что ничего новаго или уже не сказаннаго не написалъ.

На дняхъ ѣду на театръ военныхъ дѣйствиій, въ одинъ изъ Кубанскихъ казачьихъ полковъ.

Если останусь живъ, и мы увидимся, то расскажу Вамъ свои впечатлѣнія. Бытность же на театрѣ военныхъ дѣйствиій позволить мнѣ провѣрить свои взгляды.

Всего хорошаго. Крѣпко жму Вашу руку. *Д. Хилковъ.*

XX.

15 Сентября 1914 г.

Дорогой Я. И., пишу Вамъ изъ Кіева въ ожиданіи поѣзда на Львовъ. Меня не призывали, т. к. лѣта перешли, но я попросился, и меня зачислили въ 3-й Хоперскій полкъ. Теперь догоняю полкъ.

Письмо Ваше получилъ и только-что прочелъ. Въ Полтавѣ видѣлъ Т—ва и слышалъ „отрицаніе“ войны. Въ настоящее время, для меня все это звучитъ въ высшей степени не реально, не къ дѣлу.

Я спрашиваю себя: можно-ли себѣ вообразить Христа на полѣ брани „утѣшающимъ“ умирающихъ? Я отвѣчаю: да, можно. Для меня этотъ фактъ объясняетъ все дѣло. Теоретики рационалистическаго *человѣкобожества* именно и отрицаютъ возможность подобнаго факта. Кромѣ того, у нихъ нѣтъ органической связи со своимъ народомъ.

До свиданія. Д. Хилковъ ¹⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Это было последнее, предсмертное письмо Д. А. Хилкова къ Я. И. К—чу: въ концѣ октября 1914-го года Д. А—чь былъ убитъ на полѣ брани (См. „В. В.“, 1915 г., Апрѣль, стр. 739).